

самим протопопом из Пустозерска. Названным лицам в первую очередь, возможно, и обязаны мы появлением иконы Аввакума.

В числе лиц, близких к Ануфрию, «Сказания» называет «иконника» Петра Моисеева и старца Моисея, «советника» Ануфрия. Не был ли этот «иконник» сыном старца Моисея, и не он ли тот иконописец, которому поручили написать икону Аввакума?

Возникает вопрос, чем руководствовался иконописец, создавая изображение Аввакума на иконе, какие отправные данные находились у него при этом под рукой?

Мы знаем, что у старца Сергия были письма Аввакума, «собственной протопоповой руки», в которых он самого себя и Сергия «вообразил» в лицах. Однако вряд ли Аввакум добивался в своем рисунке портретного сходства: ведь он рисовал его в 1679 г. в условиях Пустозерской темной земляной тюрьмы. В условном изображении могли, однако, отразиться и какие-либо характерные черты живого облика Аввакума. Бывая во дворце и у бояр, Аввакум, наверное, встречал заркала и видел в них себя, он мог видеть свое изображение также в железе и в воде.

Другим источником и, по-видимому, более существенным для иконописца послужили рассказы людей, знавших лично протопопу. А таких людей в то время на Керженце, кроме старца Сергия, находилось еще немало. Были и такие, которые тайно навещали Аввакума в Пустозерске и видели его в последние годы его жизни. Надо учитывать, что заволжские скиты поддерживали постоянную связь с пустозерскими узниками и через эти скиты заключенные получали сведения о жизни сторонников «старой веры». Об этом, например, свидетельствуют многие письма Аввакума, адресованные в «нижегородские пределы». После стрелецкого бунта 1682 г. за Волгой оказалось немало москвичей, знавших протопопу. На Керженце в это время мог очутиться и сын дьякона Федора, Максим Федоров, иконописец по профессии, знавший хорошо Аввакума. Не исключена возможность, что и сам «великий» старец Ануфрий встречался с Аввакумом и имел отчетливое представление о его внешности. Все эти люди могли в мельчайших подробностях нарисовать иконописцу портрет Аввакума, передать черты его характера.

Представление об этом характере складывалось на основе и сочинений Аввакума, обсуждавшихся в спорах, и устных рассказов о нем. Поэтому иконописец мог внести в традиционный тип «святого» черты конкретного образа протопопу.

Таким образом, можно поддержать мнение Н. И. Субботина о том, что иконописец, изображая Аввакума, руководствовался имевшимися у него описаниями его внешности и «в общем передает ее близко к действительности».⁹ И в этой портретности иконы — ее историческая ценность.

В Ануфриевском ските в конце XVII — начале XVIII в. сделали, по-видимому, несколько вариантов иконы Аввакума (два известны),¹⁰ сняли с них несколько копий. В первой четверти XVIII в. одна такая икона обнаружена была в Москве (о ней будет сказано ниже).

О распространении икон Аввакума на Керженце было известно уже Дмитрию Ростовскому. Ануфриане, по его словам, «Аввакума роспротопу еретика, проклятию преданного и погибшаго, во святых почитают, и нарицают его новым страстотерпцем, и образ его пишут и покланяются

⁹ Н. Субботин. Материалы, т. V, стр. VI.

¹⁰ О второй иконе смотрите в самом конце статьи.